

Несмотря на некоторые небольшие упущения и неточности, работа А. Саввидиса написана очень квалифицированно. Помимо уже указанных достоинств, хотелось бы указать еще на большие генеалогические и просопографические экскурсы об аристократических семьях, откуда происходили мятежные вожди. Впервые столь полно дана характеристика семьи Гавалов и карьера Льва Гавалы в первой половине XIII в. (с. 301—340). Подробно проанализированы понтийские Комнины и Гавры. Автор не только использовал новейшие исследования, но и привлек некоторые грузинские источники для характеристики карьеры Давида Комнина и Феодора Гавра. Жаль, что последняя большая работа Р. М. Бартияна о Гаврах⁵ была еще неизвестна греческому ученому.

В книге А. Саввидиса при анализе движений уделено значительное место истории и топографии различных городов и провинций Византийской империи, где происходили восстания (Филадельфия, Хонам, Лаодикия, Ираклия, Меандру, Лесбосу, островам Эгейского моря и т. д.). Подобные экскурсии не уведят читателя от главной темы, а помогают лучше понять место и обстоятельства действия исторических лиц, тем более что большинство их дано в примечаниях, которые по объему немногим уступают основному тексту.

⁵ Бартиян Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас (Γαβρας — Γάβρας) // Ист.-филол. журнал. 1987. № 3, С. 190—200; № 4. С. 181—193; 1988. № 1. С. 163—177.

Ducellier A. Les Byzantins: Histoire et culture. P., 1988. 278 p.

Книга видного французского историка, профессора Тулузского университета А. Дюселье под заголовком «Византийцы: история и культура» появилась на свет уже во второй раз. Впервые она выпущена в 1963 г. За минувшее двадцатипятилетие из-под пера А. Дюселье вышли многочисленные статьи и монографии¹, расши-

¹ В числе крупнейших исследований А. Дюселье следует отметить: *Ducellier A. Le Miroir de l'Islam*. P., 1974; *Idem. La Drame de Byzance: Idéal et échec d'une société chrétienne*. P., 1976; *Idem. La Facade maritime de l'Albanie au Moyen Age. Thessaloniki*, 1981. Два важнейших труда выполнены А. Дюселье в сотрудничестве с коллегами: *Le Proche-Orient médiéval: Des Barbares aux Ottomans*. P., 1978; 2e Ed.

И последнее, что бы хотелось отметить в работе А. Саввидиса, это попытку проанализировать в вводной главе (с. 99—169), посвященной краткой характеристике социально-экономического, политического и административного положения Византийской империи в XI—XIII вв. (с более детальным рассмотрением периода 1185—1261 гг.), характер и особенности применения византийскими авторами терминов, прямо или косвенно обозначающих как самих восставших, так и их действия (*στάσις*, *ἀποστασία*, *ἀποστάται*, *νεωστέρσιος*, *δυνατοί*, *ἄρχοντες* и т. д.) (с. 107—110 и др.).

Завершают труд А. Саввидиса хронологические таблицы императоров Византии (с 1185 г.), Никейской и Трапезундской империй, Эпирского царства, патриархов Константинополя и Никеи, а также правителей соседних государств (Латинской империи, Болгарии, Грузии, Иконии, Армении и др.) и восемь подробных карт тех районов, в которых проходили восстания. В работе помещены таблицы медных монет Льва Гавалы и печатей Давида Комнина.

В целом работа представляет серьезное и фундаментальное исследование малоазийских движений конца XII—середины XIII в. много и плодотворно пишущего по истории Византии XI—XIII вв. греческого ученого. Она заметно выделяется по сравнению с исследованиями Ю. Хофмана и Р. Радича своей глубиной и обоснованностью и, несомненно, вносит значительный вклад в развитие византиноведческой науки.

П. И. Жаворонков

рился кругозор ученого и обогатилось его научное мировоззрение. Новое издание книги в корне переработано: изменены его структура и содержание. Многие положения первого издания переосмыслены с учетом новейших достижений византистики. В пяти разделах книги приведена глубоко продуманная концепция истории и культуры Византии.

А. Дюселье ставит своей главной задачей раскрыть своеобразие и показать роль Византии в средневековом мире. Решению этой задачи в большой степени способствует умение византиста дать синтез традиционных представлений и новых положений и оценок. Подобный подход вполне отчетливо обнаруживается

P., 1987; *Byzance et le Monde orthodoxe*. P., 1986.

на первых же страницах монографии, в разделе «Византия — рай для специалистов или поле изучения для всех?» (р. 7—34). В нем А. Дюселье определяет специфику и намечает основные вехи византийской истории. Ученый высказывает традиционный взгляд на Византию как прямую наследницу христианского Рима. Важнейшим событием раннего средневековья признано разделение Римской империи в 395 г. В императоре Юстиниане историк видит последнего великого, собственно говоря римского, правителя. Арабские и славянские завоевания завершили «протовизантийский» период, на исходе которого империя утрачивает «римский» характер. Со второй половины VII в. Византия переживает политическую, административную и идеологическую перестройку. Наибольшей глубины политические и социальные преобразования достигают во времена Македонской династии. Вместе с тем А. Дюселье отказывается от традиционного негативного восприятия социально-политического кризиса XI в. В нем усмотрен «разбег благосостояния», которое сопутствовало рождению нового «общественного класса» — бюргерства, тогда как землевладельческая аристократия лишилась земли среднее крестьянство, главную фискальную опору государства (р. 19). Не оставляя без внимания сокрушительные последствия Четвертого крестового похода, ученый считает восстановленную Византию, по сути, небольшим греческим «королевством», времена которого были сочены.

Отличительной чертой научной позиции А. Дюселье, ясно выраженной в историографическом обзоре, служит признание реальности изменений византийской цивилизации за столетия ее существования. По мнению ученого, византийской цивилизации свойственна вездесущая ортодоксия, придающая особую тональность всему — экономике, государственности, культуре. Византия, по словам А. Дюселье, была теократической империей, близкой как Востоку, так и Западу, и, вопреки господствующей религиозной идеологии, проповедовавшей воплощение на земле божественного предначертания, полна общественных противоречий (р. 32—34).

В последующих двух разделах — «Власть и свобода веры: церковь и верующие» (р. 35—83); «Власть Бога на земле: государство» (р. 84—130) — рассматриваются проблемы соотношения сил между Старым и Новым Римом (Константинополем), духовной и светской властью. Речь идет о сращении в Византии римской и христианской концепций власти, союзе церкви и государства, идеях уни-

версализма и теократии. Не все наблюдения А. Дюселье однозначны. Так, характеристика монашества сочетает научный подход с отголосками клерикальных воззрений. Они ощутимы в безоговорочном признании монашества революционной частью общества. С большей объективностью представлена исихастская мистика поздней Византии, направленная, как показывает ученый, против сторонников духовной революции.

Уделяя большое внимание организации византийской церкви, А. Дюселье называет ее ключом православного менталитета. В нем прослеживаются два течения: традиционный догматизм и мистика. Византия на несколько веков опередила Запад в переосмыслении религиозной догматики, которое проделали приверженцы «рационалистических» византийских ересей. Для нас важно отметить, что А. Дюселье постоянно оттеняет социально-политическую подоплеку церковных движений. Скажем, затрагивая в вводном разделе вопрос о значении первых Вселенских соборов, ученый подчеркивает, что за проявившимися на них богословскими спорами скрываются отличные друг от друга концепции власти (р. 12). В названных выше главах аналогично решается проблема иконоборчества. Оно, по мнению византийца, отражает, с одной стороны, попытку государства сохранить руководящую роль в церкви, с другой — средство укрепить византийское общество перед опасностью наступления ислама. Обращаясь к вопросу об исихазме, А. Дюселье интерпретирует его историческое значение как «прогрессивную уступку» ортодоксии перед турецким завоеванием (р. 64).

Предложенная А. Дюселье концепция разделения христианских церквей может быть не нова, но оправдана ходом исторических событий. По мнению ученого, схизма 1054 г. не внесла изменений в отношения церквей. Подлинный разрыв между ними наступил после захвата крестоносцами Константинополя. Плодотворна и другая мысль А. Дюселье. Использование враждующими церквями догматических расхождений в политических целях содействовало возникновению в Византии нерасторжимой связи религиозной самобытности и национальной независимости (р. 70—72).

К сожалению, желание А. Дюселье избежать стереотипов достигает цели далеко не всегда. Он против отождествления неустойчивого сотрудничества церкви и государства с цезарепапизмом. Однако именно в нем, не замечая противоречия, ученый видит своеобразие и силу императорской власти. Согласно ему, господство

имперской теократии предопределило универсализм Византийской державы и исключительный суверенитет ее правителя, наблюдаемый до последних лет существования империи. А. Дюселье выявляет стремление императорской власти преодолеть, по его выражению, «бюрократический заслон», опираясь на провинциальную администрацию. В этом свете рассматривается введение фемной организации управления. И одновременно, оценивая военный потенциал и доктрину империи, ученый разделяет мнение своих предшественников об ее «миролюбии»: идеалом служило не завоевание, а нерушимость рубежей, достигаемая дипломатическим маневром.

Центральное место в концепции А. Дюселье отводится социально-экономическим проблемам. Им посвящен раздел «Неподвижная экономика и общество?» (р. 131—193). Анализ развития византийской экономики, равно сельского хозяйства, ремесла и торговли, А. Дюселье непременно начинает, как то принято в современном научном исследовании, с оценки демографической ситуации. Отсутствие демографического подъема, сравнимого с ростом населения арабского халифата в VIII в. и Западной Европы в X—XI вв., рассматривается в качестве одной из причин медленного развития экономики страны. Обладая большими, чем другие страны, ресурсами, Византия не получила такого же развития, поскольку она была «миром традиции», отказавшись от новаций из-за неприкосновенности политической и религиозной идеологии и обусловленных ими технологической блокады и общественной инерции (р. 135).

А. Дюселье исходит из двух постулатов. Он признает прямую зависимость на всем протяжении византийской истории социального статуса человека от его «земельного могущества» и решительно утверждает, что император являлся верховным собственником всей земли (р. 136). Глубокие общественные преобразования привели к возникновению сильных сельских общин, которые к VII в. становятся опорой государства. Ученому удалось, на наш взгляд, совершенно правильно отобразить природу сельской общины, объединившей хозяйства единоличников, и увидеть их силу в солидарности. Более того, А. Дюселье принадлежит к числу немногих западных исследователей, кто открыто признал «естественный» характер солидарности общинного крестьянства и ее использование в фискальных целях государством. Архаическая технология ограничивала размер прибавочного продукта семейных хозяйств, что с IX в. послу-

жило приговором сельским общинам (р. 144—145).

Но главные причины экономической и социальной отсталости Византии, по мнению ученого, обусловлены весомой ролью в ее общественной жизни государства. Эта апробированная и традиционная сама по себе концепция дополняется малоубедительными, по нашим представлениям, суждениями об идеологических установках. С результатами их анализа можно соглашаться лишь отчасти. Историк указывает на враждебность государства обогащению как верному признаку общественного динамизма и угрозы эгалитаризма, воплощенного в общине. В противоположность этому династы жаждали укорениться на земле и таким образом обеспечить стабильность своего существования в соответствии, как подмечает А. Дюселье, с идеалом человека средневековья (р. 151—153).

Рассказ о византийском городе начинается с уточнения его функций и специфики взаимосвязей с селом. Характерной чертой византийской истории сочтен «постоянный сельский исход» в города. В Византии связи крестьянина с городом были более тесными, чем на Западе, хотя город не оказывал существенного влияния на деревню до XI в., как это было на Западе. С XI в. поглощение городом земельной ренты объясняет его процветание и порабощение деревни (р. 167—168). Эти методологически важные замечания не могут, на наш взгляд, быть полностью приняты по крайней мере из-за отсутствия указания на хронологические рубежи расцвета городского строя и недооценки экономической мощи феодальной вотчины. Более убедительны суждения А. Дюселье, направленные против отождествления политики ограничения внешнеторговых связей с протекционизмом. Эта политика проводилась вплоть до XI в., а затем экономика Византии оказалась безоружной перед духом предпринимательства западноевропейцев, успешно конкурировавших на ее рынках с конца XI в.

Небезосновательны также утверждения А. Дюселье о причинах поражения Византии во второй половине XI в. и в торговом соперничестве с Западом, и на полях сражений. Они кроются, по мнению ученого, в ее косных идеологических, экономических и социальных устоях (р. 187). Контроль со стороны государства подавлял инициативу предпринимательских слоев, удушая эмбрион «буржуазии». Византия, по существу, не знала истинного бюргерства. А «псевдобуржуа», представленные ростовщическими элементами, выступали в качестве временных антагонистов аристократии. Отчасти они

вливались в ряды господствующего класса, и их ассимиляция становилась фактором отсталости византийского общества, отчасти они противостояли правящим кругам вместе с народными низами. Кризис денежного обращения XI в. вызвал разорение византийских рантье и предотвратил формирование «среднего класса» — бюргерства. Единственными «буржуа», известными в Византии, оказываются иноземцы, а главным источником богатства остается земля. Консервативная политическая структура и менталитет Византии становятся анахронизмом, и с XII в. — ее общественная отсталость необратима (р. 193).

«Вечные ценности: культура» — тема последнего раздела книги (р. 194—241). Он содержит идеи, проясняющие характер византийской культуры. Подробно описывая систему образования, А. Дюселье указывает на формирование византийской культуры путем синтеза христианской идеологии и античного наследия. И культура Византии в целом, и ее искусство в частности — результат компромисса, который отверг значительную часть античной классики и породил самобытные творения (р. 216). Ко времени победы иконопочитания в Византии уже не существовало опасности рецидива язычества и культура не воспринималась более как угроза истинной духовности. А византийский гуманизм, отождествляемый ученым с интересом в античному наследию, оставался всегда христианским гуманизмом (р. 221). А Дюселье проводит мысль о возникновении «двух параллельных культур очень различных уровней». Один из них, простейший, служил нуждам гражданской и церковной администраций, другой — носил элитарный характер (р. 225). Концепция А. Дюселье предполагает, что наивысшая фаза интеллектуального подъема начинается в XI в. и ее наиболее ярким представителем являлся Михаил Пселл. Золотой век литературы и господства аристотелизма

в богословии ознаменован рождением нового мистического направления Симеона Нового Богослова, не удовлетворенного философским формализмом и порвавшего со светской наукой. В XIII—XV вв. Византия вновь обращается к античным и христианским истокам своей культуры. Одновременно разворачивается противоборство между христианским рационализмом и исихастской мистикой. Кризис культуры не противопоставил церковь и общество друг другу, а вызвал «внутреннее», если можно так выразиться, их разделение. Победа исихазма и его признание официальным учением не означали, как считает А. Дюселье, поражения культуры.

Итак, концепция истории Византии, разработанная А. Дюселье, многопланова. Она не лишена узких мест. Главное же ученый сумел выявить взаимосвязь социально-экономического и политического развития Византии и особенностей господствующих идеологии, менталитета и культуры. Историк продемонстрировал воздействие религиозных и идеологических установок на экономику, социальный строй, политику и культуру Византии. Сильной стороной концепции А. Дюселье является раскрытие своеобразия византийской цивилизации в ее сопоставлении со странами мусульманского Востока, Западной и Восточной Европы. Это позволяет А. Дюселье в Заключении (р. 242—248) затронуть проблему духовного византийского наследия. С точки зрения ученого, поздняя Византия едва не стала ядром национальной греческой государственности. Ей оказалось непосильным бремя имперской политики и идеологии. Среди многочисленных преемников византийского наследия его основа — нераздельность империи и ортодоксии — была осознана и воспринята прежде всего в России.

Ю. Я. Вин

J. Lafontaine-Dosogne. Histoire de l'art byzantin et chrétien d'Orient // Université Catholique de Louvain. Publications de l'Institut d'études médiévales. Louvain; la Neuve, 1987. Vol. 7. P. XXVIII+288, 3 cartes, 19 pl., 71 fig.

Книга Ж. Лафонтэн-Дозонь «История искусства Византии и христианского Востока» состоит из Введения, 8 глав и нескольких приложений: составленного в хронологической последовательности списка византийских императоров, перечня основных культурных центров и наиболее известных памятников, словаря специальных терминов. В основе этого труда лежат курсы лекций по искусству ранне-

христианскому, византийскому и христианскому Востока, а также по иконологии, которые профессор Ж. Лафонтэн-Дозонь, почетный член многих научных обществ и хранитель Королевских музеев истории и искусства в Брюсселе, читала в Католическом университете Лувэна. В этом исследовании дан глубокий анализ различных явлений культуры и искусства восточнохристианского мира.